

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

288-е заседание • 29 апреля 1948 года

№ 63

ЛЕЙК СОКСЕС, НЬЮ-ЙОРК

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Двести восемьдесят восьмое заседание

	Стр.
36. Предварительная повестка дня	1
37. Утверждение повестки дня	1
38. Продолжение обсуждения письма постоянного представителя Чили по вопросу о событиях в Чехословакии	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

ДВЕСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состоялось в четверг 29 апреля 1948 года
в 3 часа дня в Лейк Соксес, Нью-Йорк.

Председатель: Альфонсо ЛОПЕС
(Колумбия).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

36. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 288)

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо постоянного представителя Чили при Организации Объединенных Наций от 12 марта 1948 года на имя Генерального Секретаря [документ S/694].

37. Утверждение повестки дня

ЦЗЯН Тин-фу (Китай) (*говорит по-английски*): Я не возражаю против утверждения повестки дня в том виде, как она есть, но хочу поднять вопрос относительно одного из предметов, подлежащих рассмотрению Совета Безопасности, который в течение вот уже продолжительного времени не включается в нашу повестку дня. Я имею в виду индонезийский вопрос. Члены Совета Безопасности помнят, что мы обсуждали его последний раз два месяца тому назад. В феврале на одном из посвященных этому вопросу заседаний [259-е заседание], Совет Безопасности принял резолюцию [документ S/689] в том смысле, что Комиссия должна внимательно следить за развитием политических событий в Индонезии и делать об этих событиях доклады Совету Безопасности через небольшие промежутки времени. Нельзя сказать, чтобы мы получали доклады от этой Комиссии часто. Я бы настоятельно просил Председателя телеграфировать нашей Комиссии и категорически указать ей на необходимость представить нам доклад о ходе событий и о существующем в настоящее время в Индонезии положении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски):
Я с удовольствием сделаю это.

Повестка дня утверждается.

38. Продолжение обсуждения письма постоянного представителя Чили по вопросу о событиях в Чехословакии

По приглашению Председателя представитель Чили Э. Санта-Крус занимает место за столом Совета.

В. А. ТАРАСЕНКО (Украинская Советская Социалистическая Республика): В своем выступлении я прежде всего хочу обратить внимание Совета Безопасности, на ряд необоснованных, порой фантастических «обвинений», выдвинутых представителем Соединенных Штатов Америки по отношению к Советскому Союзу. Эти, с позволения сказать, «обвинения» можно разделить в основном на три группы:

Первая группа — это голословные, ни на чем не основанные измышления. К таким измышлениям относится, например, утверждение о том, что советские офицеры якобы принимали участие в арестах, что советские представители будто бы контролируют полицию и войска в Чехословакии. В подражание Мюнхгаузену сочиняются те или иные небывлицы и с серьезным видом требуют, чтобы Советский Союз их опровергал.

Вторая группа «обвинений» — это передергивание и сознательное извращение тех или иных фактов, имевших место в ходе событий, связанных с некоторыми недавними изменениями в правительстве Чехословакии.

И, наконец, третья группа «обвинений», основанная на сознательном извращении характера установившихся отношений между Советским Союзом с дружественными ему странами Восточной Европы, и в частности с Чехословакией. В основе этих обвинений лежит упрямое нежелание понять те общественно-политические и экономические изменения, которые произошли в странах новой демократии в результате победы над гитлеровской Германией.

Что касается первой группы «обвинений» (оговариваюсь: в каждом случае слово «обвинение» я беру в кавычки), то нет необходимости задерживать на них внимание Совета Безопасности. Слишком вздорен и нелеп их характер, чтобы тратить время на их опровержение. За

скудностью фантазии авторы этих измышлений используют факты, и практику, которые имели или имеют место в отношениях Соединенных Штатов Америки и Англии с другими странами. Они чуть-чуть видоизменяют эти факты и, после этого, их приписывают Советскому Союзу.

Так например, большое число английских и американских военных и штатских лиц заполнили все министерства, армию и полицию в Греции. Дается по аналогии этот факт, изменяются имена лиц, даты и названия стран, и американский представитель в Совете Безопасности заявляет: «советские агенты работали в министерстве внутренних дел Чехословакии» [281-е заседание].

Или другой пример: вспоминаются случаи, десятки и сотни случаев участия американских и английских солдат и офицеров в расстрелах и расправах, чинимых греческими реакционными фашистскими бандами над греческим народом. Вспоминаются также случаи, когда английские, американские и французские офицеры и генералы принимали участие в расстрелах советских граждан в период интервенции в России в 1918-20 годах. Так, например, случаи зверской расправы над группой бакинских советских работников. Все это припоминается, изменяются имена лиц, даты и название страны, и американский представитель, не моргнув глазом, заявляет (—я цитирую): «советские офицеры якобы принимали участие в арестах некоммунистических политических лидеров» [281-е заседание].

Ясно, что такого рода «обвинения» могут вызывать у нас только лишь чувство брезгливости к авторам подобных фальшивок, а не охоту их опровергать. Было бы куда приятнее опровергать фантастические измышления Мюнхгаузена. По крайней мере, их автор не преследовал столь сомнительных целей.

К этой категории «обвинений» относится также и утверждение представителя Соединенных Штатов Америки о том, (я цитирую): «политическая независимость Чехословакии, члена Организации Объединенных Наций, была нарушена угрозой применения силы со стороны другого члена Организации Объединенных Наций — Союза Советских Социалистических Республик» [281-е заседание]. В чем заключалась эта угроза применения силы, так он и не сказал. Это продолжает оставаться секретом представителя Соединенных Штатов Америки.

Может быть, действия Советского Союза, которые можно было бы истолковать как угрозу применения силы, аналогичны недавнему посещению американскими военными судами вод, омывающих Италию, с вполне определенными целями. Может быть, угроза применения силы со стороны Советского Союза заключалась в том, что он соорудил сотни военных, военно-морских и авиационных баз за тысячи километров от своих границ, как это делают Соединенные Штаты Америки.

Если представитель Соединенных Штатов говорит о такого рода угрозе, то почему он не выложит таких фактов на стол. Он не выкладывает их потому, что нет таких фактов. Он сам

открыто заявляет: что его заявления — одни лишь предположения. Он говорит: «не все факты в этом деле очевидны, и нельзя ограничиваться предположениями, но ввиду серьезности уже представленных обвинений Совет Безопасности обязан приложить все усилия для выяснения фактов» [281-е заседание].

Что и говорить о том, насколько серьезны обвинения в угрозе применения силы Советским Союзом в отношении другого государства, когда Соединенным Штатам приходится проявлять невероятные усилия, призывать на помощь другие государства-члены Совета Безопасности, чтобы обнаружить следы предполагаемой советской угрозы Чехословакии.

Одно только непонятно: если правительство Соединенных Штатов даже с посторонней помощью не в состоянии обнаружить хотя бы один факт, который можно истолковать как угрозу применения силы Советским Союзом в отношении Чехословакии, то как могло правительство Чехословакии, как мог простой скромный крестьянин, рабочий или интеллигент обнаружить эту угрозу, испугаться ее. Пусть это останется секретом представителя Соединенных Штатов Америки.

Вторая группа «обвинений» по существу мало чем отличается от первой в смысле тенденциозности и передергивания фактов. Так на заседании Совета Безопасности неоднократно напоминалось нам о том, что некоторые прогрессивные деятели ряда стран Восточной Европы в свое время нашли убежище в Советском Союзе. Представитель Соединенных Штатов Америки в этом факте находит инкриминирующее обстоятельство в отношении Советского Союза и стран Восточной Европы. Он считает это обстоятельство серьезным аргументом, подтверждающим чилийскую фальшивку.

Лично я не собираюсь оспаривать факты, что некоторые из названных американским представителем лиц получили в свое время убежище в Советском Союзе. Я лично горжусь этим фактом. В этой связи я хочу напомнить членам Совета Безопасности текст статьи 129 конституции Советского Союза — он гласит: «СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу».

Было время, когда некоторые страны, в том числе и Англия, могли гордиться тем, что в их странах находили убежище прогрессивные деятели и бдительные борцы за свободу многих народов. Имена Карла Маркса, Мадзини, Герцена и многих других напоминают нам об этом. Английский народ может с гордостью отметить, что эти люди могли найти убежище в его стране, но может ли английский или американский народ гордиться тем фактом, что теперь их страны превратились в питомник международных военных преступников, обанкротившихся реакционных королей, министров и сановников, которые выброшены народами их стран в мусорный ящик истории.

Правительства Соединенных Штатов Америки и Англии подбирают эту гниль и бережно ее со-

храняют, как подбирали и сохраняли всякий кусочек веревочки, всякую дырявую жестянку и ржавый гвоздь Плюшкин, известный персонаж из произведения великого русского писателя Гоголя. Плюшкин полагал, что всякая дрянь пригодится в хозяйстве. Правительства США и Англии также рассчитывают на то, что авось и эта рухлядь когда-либо окажется полезной. Правда Плюшкин на хранение своих мусорных куч не расходовал ни одной копейки, в то время как на содержание этого питомника английское и американское правительства щедро расходуют десятки и сотни миллионов долларов своих налогоплательщиков.

Если бы американский представитель был последовательным, он не ограничился бы списком прогрессивных деятелей некоторых стран, нашедших убежище в Советском Союзе. Будь он последовательным, он должен был бы назвать другие имена, например имена де Голля, Цалдариса, а также многих других лиц, находившихся длительное время на содержании английского и американского казначейства и играющих сейчас руководящую роль в политической общественной и государственной жизни Италии, Греции, Франции, Бельгии и других стран Западной Европы. Это список — очень большой. Будь американский представитель последовательным, он должен был бы заявить, что этот факт свидетельствует о неблагоприятии в смысле независимости указанных стран. Но где американскому представителю до последовательности, когда дело касается Советского Союза и дружественных с ним стран Восточной Европы?

Несколько слов о третьей группе «обвинений», основанных на извращении и непонимании характера отношений между Советским Союзом и дружественными ему странами новой демократии, «обвинений», вытекающих из непонимания происшедших политических и экономических изменений в странах Восточной Европы. Об этом очень ясно и понятно говорил здесь представитель Советского Союза в его предыдущих выступлениях. К этому я добавлю лишь несколько фраз.

В странах Восточной Европы до войны, в силу ряда причин существовали реакционно-антинародные режимы. Правящие круги этих стран немало приложили усилий, чтобы с помощью клеветы и подлогов представить в ложном свете Советский Союз в глазах народов этих стран. Правящие круги этих стран были на услужении немецких, французских, английских и других военных штабов, готовивших план использования этих стран в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз.

Вполне понятно, что делалось все возможное, чтобы не допустить установления дружественных отношений между народами их стран и народами Советского Союза. Но когда началась война и германские войска двинулись на эти страны, правящая клика восточно-европейских стран частью разбежалась по разным уголкам мира, частью пошла на сотрудничество с врагом. Нашлись другие силы, другие партии, которые смело возглавили свои народы в борьбе против

захватчиков. С помощью Красной Армии их борьба увенчалась победой над врагом. Что же удивительного в том, что в результате этих факторов, народы этих стран после войны оказали свое доверие партиям, возглавлявшим борьбу своих народов с врагом? Что же удивительного в том, что народы стран Восточной Европы увидели Советский Союз в другом свете, ибо пелена лжи и ложной информации пала, а вместе с ней пала и преграда, мешавшая установлению дружбы и взаимопонимания с Советским Союзом.

И вот эти-то факты и не хотят понять правительственные круги Соединенных Штатов Америки, Англии и других стран. А может быть и поняли, но не могут примириться с этими фактами и поэтому стремятся извратить и представить в ложном свете положение в странах новой демократии, представить в ложном свете характер отношений этих стран с Советским Союзом. Отсюда басни о фантастической экспансии Советского Союза, отсюда басни и фальшивки о так называемой коммунистической инфильтрации и о засилии коммунистических партий в этих странах. Нечего и говорить, что подобные инсинуации не помогут их авторам изменить существующее положение в этих странах в их взаимоотношениях с Советским Союзом.

Еще одно замечание в связи с выступлением представителя Соединенных Штатов Америки. Мы утверждали, что внесение вопроса в Совет Безопасности о событиях в Чехословакии является грубым вмешательством в дела этой страны. Этого же мнения придерживается и правительство Чехословакии. Нас уверяли здесь некоторые представители, что это не так, что в этом нельзя усмотреть вмешательство во внутренние дела Чехословакии. Выступление представителя Соединенных Штатов не оставляет двух мнений по этому вопросу. Вот неполный перечень вопросов, которыми, по предложению представителя Соединенных Штатов Америки, должен заняться Совет Безопасности в связи с событиями в Чехословакии.

1. Размещение пограничной охраны в Чехословакии;
2. назначение должностных лиц в тех или иных министерствах Чехословакии;
3. вопросы межпартийной борьбы;
4. состав правительства — распределение портфелей;
5. политические симпатии тех или иных министров или служащих;
6. работа министерства земледелия, военного министерства и министерства внутренних дел;
7. аграрная реформа;
8. личный состав различных политических партий Чехословакии;
9. вопросы, связанные с правом той или иной партии очистить себя от иностранных агентов и других подобных лиц;
10. право полиции на обеспечение общественного порядка на улицах городов своей страны;
11. политическая благонадежность того или иного члена правительства;

12. право на прием правительством Чехословакии представителей дружественных ей стран;

13. право чехословацкого правительства на те или иные отношения с другими странами и т. д., и т. п.

Уже этот неполный перечень вопросов говорит о том, что нам предлагают здесь самое неприкрытое и циничное вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которым является Чехословацкая Республика. Не знаю, какой долей юмора нужно обладать, чтобы заявить, что «новый чехословацкий режим . . . пытается продиктовать одностороннее и предвзятое мнение по этому вопросу Совету», как это заявил представитель Соединенных Штатов Америки [281-е заседание].

Я также хочу сделать несколько замечаний по выступлениям представителей Франции и Китая. Представитель Франции заметил, что если делаются ссылки на исторические события, то эти события должны освещаться полностью, а не частично. Он также задал вопрос: что делал Советский Союз в 1938 г., чтобы помочь Чехословакии? Что делал Советский Союз в 1939 году? [276-е заседание].

Я готов дать ответ на поставленные представителем Франции вопросы. Вспомним события сентября 1938 года. Еще в начале сентября этого года, французское правительство запросило Советский Союз о его позиции в случае нападения на Чехословакию. Ответ СССР был четок и ясен: Чехословакии будет оказана помощь любыми средствами и всеми доступными путями, если, как было предусмотрено договором Чехословакии, сама Франция выступит на ее защиту. Одновременно Советский Союз предлагал немедленно созвать представителей СССР, Англии и Франции, опубликовать от имени этих держав декларацию, предупреждающую, что Чехословакии будет оказана помощь в случае невызванного нападения на нее Германией, внести тот же вопрос в Лигу наций для обсуждения способов защиты Чехословакии и организовать техническую консультацию представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для выработки плана совместных военных действий.

Несколько позже, с подобным запросом в СССР обратилось и правительство Чехословакии: готово ли правительство СССР, в соответствии с советско-чехословацким пактом, оказать немедленную и действительную помощь Чехословакии, если такую же помощь она найдет со стороны Франции? На этот вопрос советское правительство немедленно ответило согласием. Как известно, в чешско-советском пакте было предусмотрено, что СССР оказывает помощь Чехословакии лишь в том случае, если Франция делает то же самое.

Пункт II протокола советско-чехословацкого договора, подписанного 16 мая 1935 года, гласит: «Одновременно оба правительства признают, что обязательство взаимной помощи будет действовать между ними лишь постольку, поскольку, при соблюдении условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне, жер-

тве нападения, будет оказана со стороны Франции».

Критические дни 27 и 28 сентября когда президентом Соединенных Штатов было сделано предложение о посредничестве, — от имени правительства СССР, было сообщено американскому послу в СССР, что Советский Союз высказывается за созыв международной конференции для оказания коллективной помощи Чехословакии и для принятия практических мер, необходимых для сохранения мира. Более того, когда стало известно о концентрации польских войск на границе Чехословакии, 23 сентября 1938 года поверенному в делах Польской Республики, от имени правительства Советского Союза, было заявлено: «что если бы польские войска действительно вторглись на территорию Чехословакии, правительство Советского Союза признало бы это актом невызванной агрессии и поэтому вынуждено было бы денонсировать польско-советский пакт о ненападении от 25 июля 1932 года».

В то же время, на ассамблее Лиги наций в Женеве, советский представитель Литвинов огласил ответ СССР на запрос Франции, заявив, что: «мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказать помощь Чехословакии».

Что же делает в это время правительство Франции? Оно не только не откликнулось на советское предложение о совместных действиях, но все делало для того, чтобы отдать Чехословакию на растерзание гитлеровской Германии. В Чехословакию была послана знаменитая миссия Ренсимена. Французское правительство рассматривает извращенный доклад Гамелена. Даладье заявил, что Франция лишена возможности выполнить свои союзные обязательства в отношении Чехословакии. С одобрения французского правительства Чемберлен совершает поездку к Гитлеру. Чехословацкому правительству предъявляются ноты, ультиматумы с требованием немедленного принятия германских требований. 19 сентября чехословацкое правительство уведомляется нотой, что: «для предотвращения европейской войны, оно должно немедленно передать Германии Судетскую область».

21 сентября в 2 часа ночи дипломатические представители Англии и Франции в пятый раз посещают Бенеша в течение одних суток и предъявляют совместный ультиматум, который гласил: «Если война возникнет, вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого вмешательства и в этом случае ответственность за спровоцирование войны полностью падает на Чехословакию».

Более того, в этом ультиматуме с убийственной откровенностью Чехословакии запрещалось принимать помощь со стороны СССР. Если чехи — (было сказано в ультиматуме французского правительства) — объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно оставаться в стороне. Иными словами, если Советский Союз выступит в защиту Чехословакии от германской агрессии, Франция не только не будет согласно

своему договору помогать Чехословакии в борьбе против Германии, но выступит войной совместно с Германией против Чехословакии и против Советского Союза.

Не ясно ли, что у представителя Франции имеются веские основания забыть многие факты, связанные с печальными днями мюнхенской капитуляции? Не разбивает ли это и другой тезис представителя Франции о том, что Франция в то время была не подготовлена к войне? Выступить совместно с Чехословакией и СССР против Германии у Франции не нашлось бы сил, а выступить в крестовый поход против большевиков — силы нашлись бы.

Затем последовал Мюнхен, а вслед за ним Англия и Франция подписали широкие политические соглашения с Германией, которые по существу явились декларациями о взаимном ненападении — я имею в виду англо-германскую декларацию, подписанную Чемберленом и Гитлером 30 сентября 1938 года, и франко-германскую декларацию Бонна и Риббентропа, подписанную 6 декабря 1938 года, согласно которой французское правительство, якобы обеспечив неприкосновенность своей границы со стороны Германии, фактически развязывало Гитлеру руки в Восточной Европе.

Когда в марте 1939 года войска Германии заняли всю Чехословакию, — несмотря на то, что новые границы Чехословакии были гарантированы после Мюнхена правительствами Англии и Франции, — и когда правительства ряда стран стали заявлять о своем признании совершившегося факта, только советское правительство в своей ноте от 18 марта заклеямило захват Чехословакии, как акт произвола, насилия и агрессии. В той же ноте советское правительство подчеркнуло, что действия Германии создали и усилили угрозу всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувств безопасности народов.

Таким образом, благодаря столь «благородному» поведению правительств Франции и Великобритании, гитлеровская Германия получила возможность безнаказанно расправиться с Чехословакией. Даже сам Гитлер не ожидал, что ему будет оказано такое попустительство. Тот же Гитлер говорил венгерскому министру иностранных дел: «Вы думаете, что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне так преподнесена на блюде ее друзьями? То что произошло, может произойти лишь раз в истории. Мы можем поздравить друг друга от всего сердца».

Истинный смысл мюнхенского стовора был тогда же разоблачен Сталиным, который заявил, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом. Об этом же довольно откровенно писала английская газета «Таймс» от 16 марта 1939 года: «Нет никаких сомнений, что после Мюнхена руководители французского правительства верили и надеялись, что Германия будет продолжать свой натиск на Восток и в виде компен-

сации за безупречное отношение Франции оставит последнюю в покое».

Можно ли было при этих условиях требовать выступления одного Советского Союза против Германии, при отказе Франции выполнить свои обязательства? Ответ напрашивается сам. Конечно нет.

Утверждение представителя Франции о том, что в 1938 году в защиту чехословацкого народа Франция не выступила только потому, что не была готова к войне, — но, что в аналогичных условиях в 1939 году она вступила в войну, — эти неопровержимые факты выглядят также в совершенно другом виде. Ни для кого не секрет, что благодаря уступкам со стороны Франции и Великобритании, Германия постоянно усиливалась. Началось это еще с оккупации Германией Австрии. С каждой новой уступкой Франция становилась слабее и соответственно Германия становилась сильнее. Без сомнения, в 1939 году после захвата и включения в состав Рейха Австрии и Чехословакии, Франция стала слабее, чем в 1938 году.

Во время переговоров Гитлера с Муссолини 15 апреля 1939 года, Геринг откровенно заявлял: «Наличие тяжелых вооружений в Чехословакии доказывает, во всяком случае, как опасна могла бы быть эта страна даже после Мюнхена, если бы произошел серьезный военный конфликт. Но благодаря германской акции положение обеих стран оси улучшилось, поскольку Германия имеет теперь возможность использовать огромные производственные возможности Чехословакии. Это усиливает мощь стран оси против западных держав. Кроме того, Германия не должна сейчас держать ни одной дивизии на границе этой страны, что также является большим преимуществом для обеих стран оси, ибо они располагают теперь благоприятными предпосылками на случай, если Польша окончательно присоединится к нашим врагам».

«Один известный французский журналист», как описывается в январском номере журнала «Foreign Affairs» за 1941 год, запросил мнение Гамелена по этому поводу. 14 марта 1939 года он спросил Гамелена, не думает ли он, что если бы в данный момент союзники прибегли к оружию, то война разыгралась бы в значительно менее благоприятных условиях, чем накануне Мюнхена. «Несомненно», ответил Гамелен и добавил: «в конце концов, Мюнхен был ударом, направленным против нас». Затем Гамелен объяснил журналисту почему он так думает. По словам Гамелена, «Германия весной 1939 года имела 140 дивизий против 100, которыми она располагала в 1938 году. Из этих 100 дивизий 50 дивизий в 1938 году были еще недостаточно обучены и не имели опытных офицеров. Вместо трех бронетанковых дивизий в 1938 году германская армия располагала к весне 1939 года пятью дивизиями. Вскоре их число было доведено до десяти. Военновоздушные силы Германии, против 3 500 самолетов, имевшихся в 1938 году, насчитывали теперь свыше 6 000 машин первой линии. Наконец, вдобавок к укреплениям, в руки немцев попали целиком не только все во-

оружие и запасы 30 чехословацких дивизий, но и мощная военная промышленность Чехословакии». Так заявил авторитетный руководитель вооруженных сил Франции, — или один из авторитетных руководителей вооруженных сил Франции, — Гамелен.

Не звучат ли в свете этих исторических фактов явной издевкой слова французского представителя о том, что он по причине сильного и глубокого переживания того, что Франция не выполнила своего долга перед чехословацким народом, сейчас не может обойти молчанием теперешние события в Чехословакии?

Несколько слов по поводу выступления представителя Китая, которое носило довольно своеобразный характер. В значительной своей части оно посвящено было скорее вопросам философского и социологического характера, чем вопросам, непосредственно относящимся к событиям в Чехословакии. Последние заключительные слова в речи представителя Китая — «рассмотрение в свете истории и с учетом их возможного влияния в будущем недавних событий в Чехословакии заслуживает полного расследования их Советом Безопасности [276-е заседание]» — могут быть поняты, как попытка обосновать законность постановления чехословацкого вопроса в Совете Безопасности путем странных исторических параллелей и социологических умозаключений. Китайский представитель обратился за помощью к истории; авось, старушка история выручит и даст возможность подвести теоретическую основу под чилийскую фальшивку.

Китайский представитель пытался бросить тень на общественно-политический строй Советского Союза и стран новой демократии. «Мы знаем» — сказал он — «что политическая свобода сама по себе не является достаточной, мы знаем что мы должны идти вперед к достижению экономической свободы, но мы не верим в уничтожение политической свободы для достижения экономической свободы [276-е заседание]». При всем моем уважении к г-ну представителю Китая и к его познаниям в области социологических наук, — я все же не могу не отметить, что в данном случае у него произошло смешение различных вещей и разных понятий. Трудно судить, какое толкование вкладывает представитель Китая в тезис «экономическая свобода».

Известно, что одни толкуют этот тезис, как право на свободу наживы, право на свободу неограниченной эксплуатации трудящихся, как право трудящихся на безработицу и голодание, как право крупных помещиков и землевладельцев на разорение и порабощение подавляющей массы крестьянства. Другие же толкуют этот тезис иначе.

Правдивое толкование заключается в следующем: достижение экономической свободы означает, что основные средства производства принадлежат обществу, что земля принадлежит не помещикам, а тем, кто ее обрабатывает; экономическая свобода означает, что к услугам трудящихся предоставлены такие вещи, как школа, наука, искусство, бесплатное медицинское обслуживание и другие подобные материальные и ду-

ховные блага, являющиеся величайшей материальной и духовной предпосылкой политической свободы.

Упомянув о французской революции и делая вывод против октябрьской социалистической революции в России, китайский представитель показал, кроме всего прочего, также и свою своеобразную осведомленность как в событиях, относящихся к французской революции, так и в событиях, связанных с октябрьской социалистической революцией в России.

Общезвестно, что французская революция действительно освободила французский народ от страданий, эксплуатации, угнетений. Она нанесла смертельный удар феодальным порядкам многих стран Европы. Но она все же не принесла народу полного экономического и политического освобождения. Так же общезвестно и то, что Октябрьская социалистическая революция покончила в бывшей царской России не только с политическим бесправием народа, но также и с новой формой эксплуатации трудящихся. Октябрьская революция создала материальные и политические предпосылки для построения социалистического общества, которое и было построено уже к концу тридцатых годов.

Дело китайского представителя сомневаться в этом, но советский народ не сомневается в этом, ибо социалистическое общество в Советском Союзе является реальностью. Это — бесспорный факт также и для многих миллионов людей за пределами Советского Союза. В первый раз в истории человечества политическая свобода сочеталась с расцветом экономического благосостояния всего населения громадной страны — Советского Союза.

Вот те краткие замечания, которые я хотел сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Мы обойдемся без перевода этой речи на французский язык.

А. ПАРДИ (Франция) (говорит по-французски): Час поздний. Если я не настаиваю на французском переводе только что сказанной речи, то только потому, что сам хочу занять несколько минут и, не отнимая у Совета Безопасности слишком много времени, вернуться к тем своим возражениям на заявления представителя Украины, которые я однажды уже высказал.

По правде говоря, мне не особенно нравится того рода полемика по вопросам истории, которую начал представитель Украины еще месяц тому назад. Кроме того, я думал, что мы уже закончили эти прения, так как прошло уже два заседания, на которых представитель Украины не нашел нужным возвращаться к тому, о чем мы говорили 31 марта [276-е заседание]. Однако, ввиду того, что сегодня, после целого месяца размышлений, он опять вернулся к той же теме, я, конечно, должен ему ответить, но, как и в первый раз, буду очень краток.

Представитель Украины затратил большие усилия и произвел многочисленные исторические изыскания, которые мне представляются совершенно ненужными. Он говорит, в сущности, о

хорошо известном историческом факте, а именно о том, что в 1938 году, во время мюнхенских переговоров, Франция не вступила в войну. Я не думаю, чтобы все сказанное представителем Украины добавило что-нибудь существенное к этому простому факту.

Как я уже указывал, это совершенно правильно. Но, как я уже раньше ему заявил [276-е заседание], если мы не вступили в войну в 1938 году, то мы вступили в нее при совершенно аналогичных условиях в 1939 году, чтобы избежать второго Мюнхена и остановить посягательства Гитлера. На это представитель Украины отвечает мне, что мы просчитались, так как мы определенно были в более выгодном положении для ведения войны в 1938 г., чем в 1939 г. Может быть это мнение и основательно. Но, что касается упреков, сделанных им моей стране, то я должен сказать, что они не имеют отношения к данному вопросу. Вопрос не в том — просчитались ли мы или не просчитались, а в том — можно ли нас упрекнуть в невыполнении нашего долга. Ответ, данный ему мной, сохраняет свое значение. Если мы не вступили в войну в 1938 г., потому что не считали себя к ней подготовленными, мы вступили в нее позднее, при совершенно аналогичных обстоятельствах, и нас можно упрекнуть только за запоздание на один год.

Но не в том — сущность ответа, данного мной представителю Украины. Она заключается в ссылках на другие факты, о которых представитель Украины совершенно не упомянул. Я указал ему на то, что, признавая, что мы были неправы, страшая себя отсрочкой на год своего вступления в войну, я считаю, что Союз Советских Социалистических Республик застраховал себя иным способом, не только замедлив свое вступление в войну, но и заключив договор дружбы с Гитлером и поделив с ним Польшу. Я не думаю, чтобы в своей сегодняшней пространной речи представитель Украины что-либо ответил на это, если, по крайней мере, я правильно понял ее в переводе на английский язык. Если же я не понял этого перевода, то я сделал ошибку, что не потребовал перевести ее на французский язык или согласившись на то, чтобы ее не переводили на французский язык, и попрошу ее перевести.

Я не производил таких обширных исследований по документам, какие произвел представитель Украины, но просто хотел бы добавить кое-что к тому, что я сказал раньше.

Если я правильно понял нашего коллегу, он только что заявил, что правительство СССР было единственным (я не могу цитировать, так как у меня нет перевода его слов на французский язык), которое заявило протест в известный момент (я не знаю когда именно) по поводу событий, происходивших в Чехословакии. Я хочу просто напомнить о следующем: 15 декабря 1939 года министр иностранных дел СССР уведомил чехословацкого посланника в Москве Звенека Фирлингера о том, что Союз Советских Социалистических Республик не будет впредь признавать его официальным представителем его государства, что он должен прекратить свою дея-

тельность и освободить здание посольства к 1 января, т. е. в течение пятнадцати дней. Г-н Фирлингер действительно покинул Москву несколько дней спустя и по приказу правительства СССР чехословацкое посольство было передано в распоряжение представителя правительства Тизо, т. е. марионеточного правительства, обслуживавшего интересы Гитлера.

Я думаю, что это все, что я хотел сказать, и я не хочу злоупотреблять временем Совета простым перечислением исторических фактов.

Х. АРСЕ (Аргентина) (говорит по-испански): Эти исторические воспоминания очень интересны, но мы не должны забывать, что перед нами стоят деловые вопросы. Ввиду того, что список ораторов кажется уже исчерпан, я бы просил, чтобы, согласно последней части правила 38, мы перешли к голосованию предложения, внесенного представителем Чили на одном из предыдущих заседаний — я не помню на каком именно [281-е заседание] — предложения, касающегося необходимости и желательности создания подкомитета Совета по сбору соответствующих информационных данных, относящихся к этому вопросу. Я предлагаю, чтобы этот подкомитет состоял из трех лиц. Постараемся же наконец покончить с этим вопросом о Чехословакии.

Я вношу это предложение.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я не собираюсь выступать с длинным заявлением, так как позиция Советского Союза была уже мною высказана неоднократно в ходе нашей дискуссии по этому вопросу. Я скажу лишь несколько слов в связи с теми разъяснениями, которые здесь пытался дать нам представитель Франции. Как бы то ни было, здесь речь шла не только о Франции и Англии, но и о Советском Союзе. Это обязывает и меня поэтому сделать разъяснения и сказать несколько слов на данном заседании.

Представитель Франции г-н Пароди, а также обычно представитель Великобритании не любят, когда советские представители касаются 1938 и 1939 годов. Особенно им не нравятся ссылки на этот предвоенный период времени в связи с обсуждением чехословацкого вопроса. Мы вполне понимаем, почему представителям Франции и Великобритании не нравится ссылка на 1938 и 1939 годы в связи с обсуждением чехословацкого вопроса. Не нравятся эти ссылки не только представителям этих стран в Совете Безопасности, но и правительствам этих стран и теперешним руководящим кругам в этих странах, потому что руководящие круги, которые в основном остаются теми же, уже однажды предали Чехословакию в угоду гитлеровской Германии.

Разве мы рассчитываем на то, что представители этих государств выступают в Совете Безопасности и заявят: «да, действительно, правящие круги Франции и Великобритании, при поощрении Соединенных Штатов, уже однажды предали Чехословакию». Мы на это не рассчитываем. Мы уверены, что у правительств этих государств

не хватит мужества сделать такие прямые заявления.

Представитель Франции говорит: «украинский представитель может упрекать нас в том, что мы сделали неправильные расчеты, что мы недоуimli, что в 1939 году Франция была в менее благоприятном положении в отношении Германии, нежели в 1938 году». Но — говорит представитель Франции — «никто не должен упрекать нас в том, что Франция не выполнила своего долга». Я цитирую его слова: *«Никто не должен упрекать нас в том, что Франция не выполнила своего долга».*

Именно нас упрекают в том, что Франция не выполнила своего долга, не выполнила своих обязательств, которые она взяла на себя, как страна, в отношении Чехословакии. Если бы французский представитель потрудился прочесть некоторые исторические документы французского же министерства иностранных дел, то он убедился бы в том, что обвинения в отношении Франции в том, что она вместе с некоторыми другими странами предала интересы Чехословакии и чехословацкого народа, правильны. Об этом говорят неопровержимые документы и исторические факты, которые при всем своем желании не могут опровергнуть ни представитель Франции, ни представитель Великобритании. Для этого не нужно доставать исторические справки и документы из министерства иностранных дел Советского Союза в Москве. Такие документы можно достать из Парижа, из Лондона, из Вашингтона. Наконец пусть представитель Франции — и я это советую также представителю Великобритании — прочтет то, что написал в своих мемуарах Черчилль, который хорошо был знаком с положением и которого можно упрекнуть в чем хотите, но только не в симпатиях к Советскому Союзу. Пусть они прочтут эту часть мемуаров и они убедятся, что Франция и Великобритания предали Чехословакию самым хладнокровным образом.

Украинский представитель ссылаясь здесь на ультиматум, который англичане и французы предъявили Бенешу, прежде чем преподнести на блюде Чехословакию Гитлеру. Разве не исторический факт такой ультиматум, когда чехам заявили, что если чехи примут помощь от Советского Союза, то это будет означать войну, войну против Советского Союза или — как они выражались — против большевизма и что Франция и Великобритания должны будут включиться в этот крестовый поход против Советского Союза? Правда, французские дипломаты в тот период, вероятно, пытались перехитрить английских дипломатов, представили свои заявления Бенешу не в письменной форме, а в устной. Здесь вышколенная, опытная английская дипломатия осталась позади у французов. Англичане представили документы. Все эти документы известны. Я не сомневаюсь в том, что они находятся в министерстве иностранных дел в Лондоне, в министерстве иностранных дел в Париже и, конечно, в Вашингтоне. Рекомендую ознакомиться с этими документами.

Г-н Пароди указывает на то, что — вот, видите ли. — после заключения пакта о ненападении

между Советским Союзом и Германией в 1939 году чехословацкий посол вынужден был выехать из Москвы. Это — верно, но в результате чего это произошло? В результате того, что Чехословакия уже была оккупирована гитлеровской Германией, в результате позорной сделки, которую совершили Франция и Великобритания с поощрения, конечно, Соединенных Штатов. Французы, конечно, поступили по всем правилам французской вежливости — предали Чехословакию как страну и удержали посольство Чехословакии в Париже. Они, может быть, даже дали карточки чехословацкому послу для получения продуктов и соответствующих промтоваров. Они проявили вежливость, а страну предали.

Кто же виноват в этом? Советский Союз? Конечно, Франция и Англия прежде всего. Как бы ни неприятно было выслушивать исторические факты, но они являются фактами. И если даже у представителей Франции и Англии сейчас нет некоторых документов — но ведь это исторические факты. Их никуда не спрячешь. Если вы выгоните их в дверь — они войдут в окно.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Господин Председатель, я хочу ответить лишь по одному вопросу из тех, которых только-что коснулся представитель Союза Советских Социалистических Республик. Если я его правильно понял, он сказал, что нам не нравится, когда представители СССР напоминают нам о периоде 1938-1939 годов. Это совсем не так. Мы считаем, что они меньше всего имеют право это сделать, а это далеко не одно и то же.

Я хочу заверить представителя СССР в том, что если бы моя страна заключила пакт с Гитлером, что, разумеется, было невозможно, так как во Франции, которая является демократическим государством, общественное мнение не позволило бы этого сделать, то тогда, конечно, мне было бы неприятно, если бы мне об этом напоминали.

Если бы я был представителем СССР, вероятно я бы воздержался от упоминания об этом пункте, что, впрочем, и делали представители СССР и Украины в течение предыдущих заседаний, а также и во время текущего заседания.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не знаю, каково будет решение Председателя, но я должен сказать, что, по моему мнению, этот диспут по вопросам истории, продолжавшийся в течение последних трех или четырех заседаний, хотя и представляет собой значительный интерес, имеет очень отдаленное отношение к вопросу, рассматриваемому Советом Безопасности. Я ничего не имею против того, чтобы представитель Союза Советских Социалистических Республик напоминал о событиях, относящихся к 1938 и 1939 годам. Я лишь удивлен, что он упоминает и о 1939 году. Я читал с большим интересом мемуары Черчилля. Я знаю, какие взгляды он в них высказывал, но я думаю, что Черчилль еще не дошел в них до августа 1939 года. Однако, даже если все сказанное здесь относительно

исторического прошлого и правильно и если даже выступавшие ораторы, принимая во внимание заслуги их стран, и имели право делать соответствующие заявления, то все же, какое все это имеет отношение к рассматриваемому нами вопросу?

В нашей стране есть поговорка: «черное плюс черное не равняется белому». Я считаю, что все время, посвященное Советом Безопасности этому диспуту по истории, было потрачено совершенно напрасно. Я полагаю, что Совет Безопасности должен прекратить этот диспут и перейти к более практическим вопросам.

Но, если Председатель позволит, я должен сделать одну оговорку. Представитель Украины очевидно использовал промежуток времени между заседаниями Совета Безопасности для производства, как сказал один из представителей в Совете, исторических изысканий. Он вошел во многие детали. Он цитировал документы. Некоторые из этих документов мне совершенно неизвестны и я оставляю за собой право самому произвести небольшое историческое исследование и, если я найду, что документы цитировались неправильно, я, разумеется, оставляю за собой право вернуться к ним на следующем заседании и сообщить их действительные тексты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я считаю, что всем членам Совета Безопасности была дана полная возможность высказать свои взгляды по историческим и другим вопросам и, в соответствии с требованием представителя Аргентины, хочу поставить резолюцию на голосование.

Ж. НИЗО (Бельгия) (говорит по-французски): Я хочу объяснить, почему я подам свой голос за эту резолюцию. Бельгийская делегация придает огромное значение постановлению пункта 4 статьи 2 Устава и считает, что эти постановления принадлежат к числу основных положений Организации Объединенных наций. Поэтому делегация Бельгии считает, что обвинения, выставленные делегацией Чили, заслуживают серьезной проверки. Это — тяжкие обвинения. Вместе с тем, чем серьезнее обвинение, тем лучше оно должно быть обосновано и основательность его проверена.

Проект представленной нам резолюции никоим образом не предопределяет решения по существу вопроса. В нем нет никакой оценки обстоятельств дела. Этот проект имеет в виду лишь точное установление фактов, которые не достаточно известны Совету. Без такого установления фактов Совет Безопасности не может определить свое отношение, а именно, входит ли этот вопрос в его компетенцию или нет. Поэтому я буду голосовать за резолюцию, предложенную делегацией Чили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Теперь мы перейдем к голосованию. Помощник генерального секретаря огласит текст резолюции.

А. А. СОБОЛЕВ (Помощник генерального секретаря по делам Совета Безопасности) (говорит по-английски): Проект резолюции гласит:

«Принимая во внимание, что один из членов Организации Объединенных Наций, согласно статьям 34 и 35 Устава, обратил внимание Совета Безопасности на положение в Чехословакии, которое может угрожать международному миру и безопасности и что Совету Безопасности представлена просьба о расследовании этого положения; и

принимая во внимание, что в течение прений, имевших место в Совете Безопасности, было сделано заявление о существовании дальнейших свидетельских и документальных доказательств, относящихся к этому вопросу;

принимая во внимание, что Совет Безопасности считает желательным ознакомиться с этими свидетельскими показаниями и документальными доказательствами,

в связи с этим и с этой целью и не предпринимая тех или иных решений, которые могут быть приняты в соответствии со статьей 34 Устава,

Совет Безопасности постановляет назначить подкомитет, состоящий из трех членов, и поручает этому подкомитету принимать и выслушивать такие сообщения, заявления и показания и представить Совету Безопасности доклад о результатах своей работы в возможно короткий срок».

Э. САНТА-КРУС (Чили) (говорит по-испански): Господин Председатель в первоначальном предложении, внесенной чилийской делегацией [281-е заседание], не было указано из скольких членов должен состоять этот подкомитет, так как я считал, что Совету Безопасности принадлежит право принять решение по этому вопросу. Число три было предложено представителем Аргентины и не должно считаться частью чилийского предложения.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я рассматриваю эту резолюцию не как процедурную, а как касающуюся существа вопроса. Соответственно и порядок голосования должен быть такой, какой применяется в отношении резолюций, относящихся к существу вопроса. Может быть, представитель Бельгии придерживается другого мнения — это его дело и его право; я позволю себе не согласиться с такой интерпретацией.

Если на этот счет у нас будет расхождение мнений, то я потребую тогда вынесения решения прежде всего о том, считать ли этот вопрос процедурным или не процедурным.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (говорит по-английски): По мнению Соединенных Штатов проект резолюции, представленный Совету Безопасности, в котором рассматривается вопрос об учреждении подкомитета, определенно является процедурным вопросом. Нам предстоит принять решение на основании статьи 29, а не на основании главы VI Устава. Устав Объединенных Наций ясно указывает на то, что такие вопросы относятся к вопросам процедуры. 29 статья есть одна из пяти статей той части главы V Устава, которая озаглавлена «Процедура». Следовательно, по буквальному

смыслу Устава, решение, принимаемое Советом Безопасности на основании статьи 29, должно считаться решением процедурного характера.

Мы должны также иметь в виду, что в заявлении четырех держав признается, что учреждение вспомогательного органа является процедурным решением. Пункт 2 первой части этого заявления предусматривает:

«Например, установленный ялтинской формулой порядок голосования будет руководить постановлениями, принятыми на основании всего раздела D главы VI». — Этот раздел предложения, принятого в Думбартон Оксе, соответствует статьям 28-32 (включительно) Устава и, конечно, статье 29 — «Это означает, что Совет голосами семи любых его членов... создает такие органы или учреждения, какие он считает необходимыми для проведения своих функций»¹.

Совершенно очевидно, что это специальное положение части I заявления четырех держав предусматривает именно такую ситуацию, с какой мы теперь имеем дело. Если это положение не применимо к данной ситуации, то оно не имеет никакого значения вовсе.

Принятие этого проекта резолюции будет иметь своим результатом только продолжение рассмотрения Советом Безопасности чехословацкого вопроса с помощью подкомитета, в состав которого войдут члены самого же Совета. Обращение к содействию такого вспомогательного органа при выполнении своих функций Советом определенно предусмотрено статьей 29 Устава.

В настоящий момент нам предстоит принять решение того же порядка, что и принятое нами 27 февраля 1947 г. по вопросу об инциденте в проливе Корфу². Тогда мы учредили комитет для облегчения работы Совета Безопасности и поручили ему изучение фактов, получение дополнительных данных от заинтересованных сторон и составление доклада для представления Совету Безопасности. Решение Совета Безопасности о характере внесенного тогда предложения было таково, что предложение это не предполагало решения по существу на основании главы VI Устава. Вопрос возник, когда представитель Соединенного Королевства, которое было стороной в споре, просил определить является ли соответствующее решение процедурным согласно статье 27(2), в каком случае он мог бы воспользоваться своим правом голоса, или решением, предусматриваемым статьей 27(3) Устава, в каком случае, будучи представителем стороны в споре, он должен был бы воздержаться от голосования. Председатель определил, что решение не подпадало под постановления главы VI Устава и, поэтому, Соединенное Королевство имело право принять участие в голосовании.

Председатель нашел, что постановления главы VI Устава не распространяются на вопрос об

учреждении подкомитета. Повидимому, Председатель, в соответствии с мнениями других членов Совета, определил, что такое решение принимается на основании статьи 29. Г-н Громько настаивал на том, что такое решение относится к производству расследования, предусматриваемого статьей 34, и считал решение Председателя неправильным, но официально он не опротестовал этого решения. Соединенное Королевство было допущено к участию в голосовании и резолюция была принята восьмью голосами, причем Союз Советских Социалистических Республик воздержался от голосования.

В указанном случае решение было принято или на основании статьи 29 или на основании статьи 34 Устава. Если бы оно было принято на основании статьи 34, то Соединенное Королевство не имело бы права участвовать в голосовании. Если же оно было принято на основании статьи 29, то оно считалось процедурным решением и тогда Соединенное Королевство могло правомерно принять участие в голосовании. Решение о допущении Соединенного Королевства к участию в голосовании определенно указывает на то, что предложение об учреждении подкомитета является вопросом процедуры, а не существа. Это — определенный прецедент для решения обсуждаемого нами теперь вопроса.

Мы считаем, что нет никаких сомнений в том, что предложение, по которому мы должны теперь вынести решение, относится к вопросу процедуры и может быть принято семью голосами любых членов Совета Безопасности.

А. А. ГРОМЬКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я уступлю свою очередь представителю Канады, если он хочет говорить. Я могу выступить после него, если для него это приемлемо.

А. МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Канадская делегация тщательно изучила проект резолюции, представленной Совету Безопасности представителем Чили. Канадская делегация твердо убеждена, что этот проект предусматривает надлежащий способ для проведения Советом Безопасности дальнейших расследований и вследствие этого относится к вопросу процедуры в соответствии со статьей 29. Поэтому мы будем голосовать за эту резолюцию.

А. А. ГРОМЬКО (Союз Советских Социалистических Республик): Выходит, что между нами возникли разногласия по вопросу о том, считать ли эту резолюцию процедурной или не процедурной. Я утверждаю, что эта резолюция является не процедурной. Этой резолюцией предусматривается не создание какого-то вспомогательного органа, о котором идет речь в пункте 2 заявления в Сан-Франциско, заявления четырех держав³, к которым потом присоединилась Франция, а вопрос, о котором речь идет в пункте 4 этого заявления⁴.

¹ «Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации» (Documents of the United Nations Conference on International Organization), Сан-Франциско, 1945 г., том II, стр. 711 англ. текста.

² Официальный отчет Совета Безопасности, второй год, № 21.

³ «Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации» (Documents of the United Nations Conference on International Organization), Сан-Франциско, 1945 г., том II, стр. 711 англ. текста.

⁴ Там же, стр. 712 англ. текста.

Я считаю, что эта резолюция, в случае ее принятия, повлекла бы за собой расследования. Дело американского представителя или любого другого представителя называть действия, которые были бы основаны на этой резолюции, не расследованием, а выяснением фактов. Я это называю *расследованием*. Представитель Соединенных Штатов меня не убедит в том, что это не расследование.

Значит, между нами по этому вопросу существуют разногласия. Я обращаю внимание не на то, как эта резолюция будет названа и как этот комитет будет назван теми, кто хочет создания этого комитета и проведения расследования, а я исхожу из существа этого предполагаемого комитета и тех действий, которые этот комитет, в случае принятия данной резолюции, должен предпринять.

Поскольку между нами существуют разногласия, то мы должны поступить таким образом, как мы поступали в таких случаях уже несколько раз. Мы должны исходить из заявления пяти держав в Сан-Франциско, о котором я уже говорил. Последний пункт этого заявления гласит⁵: (я цитирую) —

«При таком положении» (при таком положении, об этом говорят предыдущие пункты, которые я сейчас опускаю, цитируя лишь последний пункт, который имеет прямое отношение к вопросу) — «при таком положении невероятно, что в будущем могут возникнуть вопросы огромной важности, по которым потребуются решение, можно ли применить процедурное голосование. Если, однако, такой вопрос возникнет» (а он уже возник у нас, возникал и раньше) — «то решение этого предварительного вопроса о том, можно ли применить процедурное голосование или нет, должно приниматься голосами семи членов Совета Безопасности, включая совпадающие голоса всех его постоянных членов».

Я повторяю: «включая совпадающие голоса всех его постоянных членов».

Вот — порядок голосования. Это заявление — мне незачем и напоминать об этом — представляет собой обязательство, которое взяли на себя Соединенные Штаты, Англия, Китай, Франция и Советский Союз. Этим обязательствам они следовали, следуют и не могут не следовать. Эти обязательства являются частью общих обязательств, взятых этими странами в связи с подготовкой и утверждением Устава.

Поскольку у нас возникали разногласия по этому вопросу, то давайте применять порядок, на который я указал, порядок, который мы применяли и который мы обязаны в таких случаях применять.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я хочу сделать несколько замечаний по поводу разногласий о том, является ли этот воп-

рос процедурным вопросом или вопросом существа. Заявление представителя Советского Союза было правильно в том отношении, что упомянутое соглашение в Сан-Франциско было заключено именно в такой форме. Но, по-моему, это не значит, что процедурный вопрос, определенно являющийся таковым, должен ставиться на голосование, как вопрос по существу и что на него распространяется право вето. Постоянные члены Совета Безопасности должны сами избегать постановки таких вопросов, которые могут усложнять работу Совета Безопасности. Если кто-либо из постоянных членов Совета Безопасности будет настаивать на том, что известный процедурный вопрос является вопросом существа и будет голосовать против большинства, то Совет Безопасности будет обречен на бездействие.

Что касается данного случая, то, руководствуясь простым здравым смыслом и учитывая существующий порядок ведения заседаний Совета Безопасности, я считаю, что создание подкомитета для установления и изучения фактов и представления доклада Совету Безопасности является вопросом процедуры. Я не могу себе представить другого положения. Вопрос не касается существа дела. Я уже указывал на то, что если мы произведем расследование при помощи подкомитета, мы сможем или вовсе прекратить рассмотрение этого вопроса потому, что он не входит в нашу компетенцию, или потому, что обстоятельства дела не достаточно выяснены и не представлено достаточных доказательств, или же принять какие-либо другие меры.

Порядок, принятый для рассмотрения дел Советом Безопасности, диктует такой метод. Поэтому я надеюсь, что мы не будем создавать искусственных затруднений, чтобы не было прецедента, который осложнял бы работу Совета Безопасности по другим вопросам. Я считаю, что это — вопрос процедурный. Я подам свой голос за признание этого вопроса процедурным вопросом.

Э. САНТА-КРУС (Чили) (*говорит по-испански*): Господин Председатель, после того, как я выслушал замечания представителей Соединенных Штатов и Сирии, мне представляется совершенно ясным, что перед нами процедурный вопрос, и я добавляю от себя несколько соображений.

Я составил этот проект резолюции так, чтобы было ясно, что он не затрагивает вопроса по существу. Внося в Совет чехословацкий вопрос, я заявил, что, так как у нас нет сведений непосредственно из первоисточника, мы хотели предложить Совету различные способы получения доказательств. Один из таких способов был — выслушать представителя Чехословакии г-на Паланека. Впоследствии мы добавили, что было бы желательно выслушать указанных им свидетелей, которые могли бы подтвердить выдвигаемые им серьезные обвинения. Я не имел в виду просить о допросе этих свидетелей в Совете Безопасности, где представил свои показания г-н Паланек, потому что это заняло бы слишком много времени. Только по этой причине я предло-

⁵ «Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации» (Documents of the United Nations Conference on International Organization), Сан-Франциско. 1945 г., том II, стр. 714 англ. текста.

жил создание подкомитета для допроса этих свидетелей.

Таким образом, вопреки заявлению представителя СССР, здесь нет и речи о расследовании, так как подкомитет не будет вызывать новых свидетелей и не будет представлять своих заключений. Он только выслушает свидетельские показания по поручению Совета Безопасности и представит последнему доклад. Я не думаю, что можно сомневаться в том, что создание такого подкомитета является вопросом процедуры.

Представитель СССР открыто заявил, что он воспользуется своим правом вето. Другими словами, он воспользуется привилегией, предоставленной ему Уставом, и объявит, что этот вопрос есть вопрос существа, т. е. назовет белое черным.

Если он решил так поступить, это — его дело. Это будет лишним доказательством того, как наивны были представители малых государств, когда в Сан-Франциско они одобрили принцип единогласия в Совете Безопасности при обсуждении некоторых важных вопросов. Как я и некоторые другие делегаты уже заявляли тогда мы действительно вотировали доверие великим державам, поскольку соответствующее положение нарушало принцип равноправия народов. Если представитель СССР будет действовать согласно только-что сделанному им заявлению, то Совет вновь будет свидетелем открытого злоупотребления доверием, выраженным в Сан-Франциско малыми государствами.

Такое нарушение доверия, при этом, совершенно бесцельно. Мы никогда не думали, что действительно сможем убедить Совет Безопасности принять какие-либо меры в отношении Чехословакии против желания СССР, так как мы хорошо знали, что в таком случае г-н Громыко сможет воспользоваться своим правом вето. Нашим единственным желанием было зарегистрировать некоторые факты в официальных отчетах Организации Объединенных Наций, чтобы доказать, что мы явились сюда сказать правду. Эти факты останутся в протоколах Организации Объединенных Наций. Они уже занесены в протоколы. Как я уже сказал, такое отношение не только нарушает доверие, но оно бесцельно.

Я оставляю за собой право, если будет нужно, просить Совет Безопасности принять другие меры в связи с этим вопросом.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Представитель Союза Советских Социалистических Республик подкрепляет теперь свою позицию ссылкой на пункт 2 части II заявления четырех держав в Сан-Франциско от 9 июня 1945 г.⁶ и требует голосования по вопросу о том, является ли данный вопрос процедурным или не является. Он, таким образом, пытается наложить вето на постановление Устава, содержащее указание на то, что этот вопрос является процедурным. Пункт 2 части II заявления четырех держав, как он сам указывает, должен применяться только в тех случаях,

когда в самом Уставе не имеется указаний на процедурный характер решения.

Как я уже отметил, в самом Уставе есть указание на то, что такого рода вопросы являются процедурными. Тот же смысл имеют ясные положения части I заявления четырех держав. Совершенно очевидно, что заявление четырех держав толкуется неправильно, если ссылаются на пункт 2 части II, имеющий значение общего определения, с явной целью обойти положения части I того же заявления. Иное понимание части I этого заявления носило бы юмористический характер.

Кроме того, результатом такого понимания явилось бы ограничение сферы применения порядка голосования по вопросам процедуры, предусматриваемого пунктом 2 статьи 27 Устава. Этот раздел Устава не имел бы никакого значения, если бы любой постоянный член Совета Безопасности мог воспрепятствовать применению соответствующей процедуры голосования к любому вопросу, не обращая внимания на обычное значение слова «процедурный» и пренебрегая ясными указаниями Устава на то, что соответствующие вопросы должны считаться процедурными вопросами. Если так толковать пункт 2 статьи 27, то его можно было бы свободно исключить.

Х. АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Очень жаль, что мне приходится выступать в такой поздний час, когда, я уверен, наши замечательные переводчики утомлены диспутом по истории.

Здесь говорили о здравом смысле и, действительно, этот вопрос является исключительно вопросом здравого смысла. Совершенно ясно, что мы имеем дело с вопросом процедурного характера, и я не могу понять, какие причины побуждают представителя СССР представлять этот вопрос в ином свете.

Все знают, что мои мысли, слова, письменные объяснения и вся моя деятельность направлены против права вето и что я использую против него все находящиеся в моем распоряжении средства. Теперь мне представляется прекрасный случай снова выступить против этого постановления Устава. Если бы Совет Безопасности принял ту точку зрения, что поставленный перед нами вопрос является вопросом существа, а не процедурным вопросом, то было бы ясно доказано, насколько привилегия, предоставленная пяти великим державам, по самой своей природе необоснована и не имеет оправдания. Было бы продемонстрировано несоответствие этой привилегии не только правовым принципам, но и логике. Что же касается логики и здравого смысла, на которые только-что сослался представитель Сирии и на которые я ссылаюсь теперь, замечу, что логика, так же как и здравый смысл, может оказаться не для всех обязательной.

Я не могу признать, что заявление четырех великих держав⁷ может иметь значение прецедента. Тем не менее, очень интересно его изучить, потому что оно полно противоречий от начала до конца и потому что в нем имеются достаточные доказа-

⁶ «Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации» (Documents of the United Nations Conference on International Organization), Сан-Франциско, 1945 г., том II, стр. 714 англ. текста.

⁷ Там же. стр. 711-714 англ. текста.

тельства того, что страны, принявшие право вето в Сан-Франциско, проявили наивность. Я должен указать на то, что заявление четырех великих держав не было ни включено в Устав, ни принято конференцией в Сан-Франциско, ни, хотя бы, внесено в отчеты последней. Это заявление налагает обязательства на четыре великие державы. Может быть представитель СССР мог бы просить эти державы выполнить принятые ими на себя обязательства. Во всяком случае это заявление ничем не связывало и не связывает другие пятьдесят три государства (Франция впоследствии присоединилась к этому заявлению). Это заявление не может быть обязательным для других пятидесяти трех государств, так как из текста самого этого заявления видно, что четыре великие державы не знали, как ответить на двадцать три вопроса, поставленные им средними и малыми государствами. Не зная, что ответить, они составили этот документ, свидетельствующий о том, что можно написать две-три страницы, не сказав абсолютно ничего.

Но даже допуская, что мы должны считаться с указанным заявлением, которое я основательно изучил и хорошо помню, я должен, независимо от того, что сказал представитель Соединенных Штатов по поводу пункта 1 части II, обратив внимание на то, что Устав ясно определяет, какие вопросы являются процедурными и какие — вопросами существа, указать на то, что, хотя пункт 5 части I упомянутого заявления и гласит — «Например: назначая расследование, Совет должен учесть, может ли это расследование... усложнить ситуацию» — в настоящем случае не возникает вопроса о назначении расследования. Поэтому очевидно, что даже с точки зрения, принятой в этом заявлении, рассматриваемый нами вопрос является процедурным вопросом.

Устав, который является единственным документом, налагающим на нас известные обязательства, и который мы торжественно обещали уважать и применять, в пункте 2 статьи 27 положительно устанавливает порядок голосования по вопросам процедуры, таким, как тот, который мы теперь обсуждаем.

Кто-то — кажется представитель Соединенных Штатов — упомянул во время прений о том, что статья 29 дает право Совету учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций. Можно было еще прибавить, что, если есть желание спорить, то всегда найдутся поводы. Никто не утверждал, что эта статья относится исключительно к комитетам Совета Безопасности, как-то к Комитету по приему новых членов, к Комитету экспертов и т. д. Если бы это случилось, я мог бы легко парировать доводы представителя СССР, предложив, чтобы одному из таких существующих комитетов, скажем Комитету экспертов, было поручено доложить нам о возможности получения новых сведений по интересующему нас вопросу. Возможно ли было бы наложить вето на такое предложение? Конечно нет.

Но я не сделаю такого предложения потому, что мы являемся членами органа Объединенных

Наций и взоры всего мира обращены на нас. Такое предложение превращало бы нашу работу в фарс и я не хочу в таком фарсе участвовать. Я ограничусь тем, что заявлю, что, если Совет Безопасности создал Комитет экспертов, то он точно так же может поручить трем своим членам собрать сведения по чехословацкому вопросу, прежде чем рассматривать самый этот вопрос. Таким образом вопрос мог бы быть тщательнее рассмотрен и по нему могла бы быть затем принята резолюция.

Я должен добавить, что Устав дает нам толкование, на которое, может быть, не обратил внимания distinguished представитель СССР, но которое я считаю решающим. Устав является единым, цельным документом, а при правовом толковании таких относящихся к области публичного права документов следует придерживаться хорошо известных, давно установленных правил, одно из которых требует согласования смысла различных частей документа. Для Совета Безопасности не установлено определенного порядка разрешения разногласий о том, является ли тот или иной вопрос процедурным или нет, но такой порядок предусмотрен для Генеральной Ассамблеи.

Действительно, статья 18 Устава предусматривает, что при возникновении в Генеральной Ассамблее сомнений в том, является ли данный вопрос важным вопросом или нет, такие сомнения разрешаются простым большинством голосов (большинство двух третей голосов требуется для решения важных вопросов, а простое большинство — для других вопросов). Это логично, так как если бы требовалось две трети голосов даже для установления, является ли вопрос важным или нет, то Генеральная Ассамблея не могла бы прийти ни к какому решению по этим вопросам. Хотя статья 18 и не упомянута в заявлении четырех великих держав, она является частью Устава. Она является частью юридического акта, имеющего для всех государств-членов Организации Объединенных Наций обязательную силу.

В соответствии со всем сказанным я утверждаю, что если возникают какие-либо сомнения в том, применим ли пункт 2 или пункт 3 статьи 27, то для разрешения этих сомнений необходимо только большинство семи голосов любых членов Совета, так как только таким образом можно осуществить некоторую согласованность между постановлениями Устава, регулирующими работу Генеральной Ассамблеи, и теми, которые регулируют работу Совета Безопасности.

Вот почему я утверждаю, что рассматриваемый нами вопрос — процедурный вопрос и прощу представителя СССР не настаивать на своей точке зрения, которая действительно может привести нас к серьезным затруднениям.

К счастью, во время войны между великими державами существовало согласие, но, судя по историческим воспоминаниям, которые мы слышали сегодня, между ними не было согласия до войны. И когда мир был восстановлен, между ними опять начались глубокие разногласия. Не

является ли это достаточной причиной для исключения права вето из Устава?

Я не могу желать другой войны ради установления согласия между великими державами. Это противоречило бы духу Устава, духу моего народа и моим собственным принципам. Так как нельзя требовать войны для установления согласия между великими державами, то я только могу просить представителя СССР не ставить нас в такое положение. Если он откажется исполнить мою просьбу, у меня останется только одна надежда на успех той борьбы, которую я буду вести до конца моей жизни, добиваясь исключения из Устава ненужной и опасной привилегии — права вето.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я хочу предложить объявить теперь это заседание закрытым. Я не думаю, что Совет Безопасности должен продолжать заседание до бесконечности, до позднего часа, рассматривая вопросы, которые не имеют абсолютно неотложного характера. Я не думаю, что рассматриваемый нами вопрос имеет неотложный характер. Члены Совета Безопасности знают мое личное мнение по этому поводу. Несколько месяцев тому назад я позволил себе разослать предложения, касающиеся правил процедуры, в соответствии с одним из которых заседания Совета Безопасности должны заканчиваться в 6 часов вечера, за исключением тех случаев, когда Совет Безопасности решит иначе. Я готов участвовать в заседании до позднего времени, если есть надежда на скорое принятие какого-либо решения. Однако, этот вопрос процедуры, обсуждаемый нами теперь, слишком сложен.

Мы уже бывали в таком положении. Опыт показал нам, что обсуждение таких вопросов мо-

жет продолжаться часами и я считаю, что оно может с успехом быть отложено. Поэтому я просил бы Председателя объявить заседание закрытым.

Ж. НИЗО (Бельгия) (*говорит по-французски*): Я поддерживаю это предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я как раз хотел сказать, что я не закрывал заседания Совета Безопасности до этого позднего часа в надежде, что вопрос может быть разрешен сегодня. Но принимая во внимание, что в списке значатся еще два оратора и что прения по этому вопросу могут затянуться и дальше, я, если не будет возражений, объявлю заседание Совета Безопасности закрытым, а время следующего заседания будет назначено новым Председателем.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я не возражаю против закрытия заседания, но я хочу, чтобы в протоколе были отмечены признательность и благодарность Совета представителю Колумбии за оказанные им в качестве Председателя ценные услуги Совету Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу искренне поблагодарить представителя Соединенных Штатов за такую оценку, а всех членов Совета Безопасности — за терпение и любезность, проявленные ими во время моего председательствования в Совете, и объявить заседание Совета Безопасности закрытым. По желанию моего преемника, следующее заседание назначается на четверг 6 мая в 3 часа дня.

Заседание закрывается в 8 час. 25 мин. вечера.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N. S. W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cía. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bonghe Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramirez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spółdzielnia Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznanska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris 5^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sts.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban